

А. В. СТОРОЖЕНКО

МАЛАЯ РОССИЯ ИЛИ УКРАИНА?

Поход татар на Русь в XIII веке был предприятием планомерным. Все в нем было взвешено, рассчитано, обдуманно и предусмотрено. Превосходная шпионская организация непрерывно осведомляла татарское правительство о политических и об экономических обстоятельствах не только на Руси, но также в Венгрии и Польше — в тех странах, куда предполагали устремиться татары. Татарские шпионы направляли иногда в нужную сторону местные дела врагов; например, в Венгрии они сумели возбудить междоусобие и натравить на короля Белу его подданных, чтобы ослабить сопротивляемость венгров. Татары шли побеждать наверняка.

Силы русских князей, ослабленные автономными стремлениями земель и городов, не могли, конечно, оказать татарам организованного, стойкого отпора. Татары быстро подчинили себе Русь. «Все князи Русции в воли татарской покорени», — по выражению летописи. Главный удар был нанесен старому русскому центру Киеву. Французский ориенталист Каен находит этому причину в происках агентов Венеции, которая видела в Киеве торгового соперника, урывающего у нее часть выгод от снабжения европейскими товарами Дальнего Востока. Киев и все Приднепровье были обращены в пустыню. Францисканский монах в Перуджии Иоанн де Пано Карпини¹, посланный папой к татарскому хану в 1246 году, то есть шесть лет спустя после Батыева нашествия, проехал Юго-Западную Русь от Владимира-Волынского до Киева и затем вдоль Днепра до порогов, откуда свернул на восток — в Азию. Вот как он выразил свое впечатление от виденного:

«Татары пошли против Руси и произвели великое избиение в земле Русии, разрушили города и крепости и убили людей, осадили Киев, который был столицей Русии, и после долгой осады они взяли его и убили жителей города: отсюда, когда мы ехали через их землю, мы находили бесчисленные головы и кости мертвых людей, лежавшие на поле; ибо этот город был весьма большой и очень многолюдный, и теперь он сведен почти ни на что: едва существует там двести домов, а людей тех держат они в самом тяжелом рабстве. Подвигаясь отсюда, они сражениями опустошили всю Русию».

Покорив Русь, татары заняли своими ордами юго-восточные ее рубежи — от Волги до Днестра — и вклинились около Рыльска и Воргола, Ахматовыми слободами, между Русью Приднепровской и Русью Залесской, то есть лежавшей от Киева за брянскими (или брянскими) лесами. Заглохли, залегли, опустели и травой поросли от одной Руси к другой дороги прямоезжие, некольные. Получилось две Руси.

Вести о расщеплении Руси достигли вскоре до византийского императора и до вселенского патриарха Константинопольского, у которого в иерархическом подчинении пребывал митрополит Киевский и всея Руси. Обоим приходилось сноситься с Русью по делам церковным.

Византийские греки заменяли в имени «Русь» звук «у» звуком «о» и называли русских «народом Росс» или россами, а страну их — Россией. Этому находят два объяснения: или греки по ученому домыслу отождествляли Русь с упоминаемым у пророка Езекииля народом Рош, или они переняли свое произношение от какого-нибудь тюрко-татарского племени, например от хазар, ибо «у» тюрко-татарами выговаривается иногда как «о». Греческое произношение в именах «росс» и «Россия», как ученое, принятое образованными людьми, было усвоено самой Русью и удержалось в имени «Россия» до наших дней.

Когда Русь (или, по-гречески, Россия) распалась надвое, явилась необходимость отличать одну Русь от другой каким-нибудь определением. Византийцы воспользовались готовыми географическими терминами: страна *Малая* или *Великая*, унаследованными ими от классической древности.

Древнегреческие и римские писатели определяли страну как *Малую* или *Меньшую* (в сравнительной степени) не потому, что она занимала незначительную площадь, но главным образом в том смысле, что она являлась исконным местопребыванием, или прародиной, одного народа или нескольких родственных племен, — в смысле, так сказать, первоначального народного и государственного ядра. *Великими* назывались у классических географов страны, колонизованные населением из малых, иначе говоря: разросшиеся из недр страны-матери. Огромный передний выступ на западе Азиатского материка, омываемый водами четырех морей: Черного, Мраморного, Архипелага и Средиземного — назывался *Малой Азией*, как колыбель азиатских народов, откуда «рассеял их Господь по всей земле», по библейскому выражению. *Великой Грецией* назывались греческие колонии в Сицилии и Южной Италии, по берегам Тарантского залива. Кельтское племя бриттов населяло первоначально полуостров Арморик в нынешней Франции. Когда часть бриттов перебралась на соседний остров, то старую родину их стали называть *Малой Британией* (Britania Minor, нынешняя французская Бретань), а новые колонии на острове — *Великой Британией* (Britania Major). В средние века, по греко-римской традиции, окрестности Кракова (последние воеводства Краковское, Сандомирское и Люблинское), древнейшее средоточие польского племени, назывались *Малой Польшей* (Minor Polonia); *Великая Польша* (Major Polonia) — позднейшие воеводства Познанское и Калишское — являлась продолжением польских поселений по реке Варте на север, к Балтийскому морю.

Итак, осведомившись о происшедшем разделении Руси, патриарх и император начали называть искони им известную Киевскую, Приднепровскую Русь — *Малой*, а Русь Залесскую, вновь представшую их умственному взору, — Русью *Великой*. В пределах Малой России, по византийскому представлению, были расположены епархии: Галицкая, Владимир-Волынская, Хол-

мская, Перемышльская, Луцкая и Туровская (1347 год). В Малой России лежал город Киев, где издревле пребывал глава Русской Церкви — митрополит Киевский и всея Руси (1354 год).

Византийская терминология привилась и на Руси. Галицко-владимирский князь Юрий II († 25 марта 1340 года) в латинской грамоте к великому магистру немецкого ордена Дитриху, от 20 октября 1335 года, называет себя «*Dei gratia natus dux totius Russiae myncris*», то есть «Божиею милостью прирожденный князь всея Малыя Руси».

Польский король Казимир III Великий, овладев галицко-волынскими землями, в греческом письме к константинопольскому патриарху Филофею (1370 год) усваивает себе титул короля Ляхии и Малой России.

Прошло три века. Название «Малая Россия» прочно держалось среди книжных людей. В то же время русский народ не отказывался от своего народного имени и открыто называл себя русским, когда представлялась к тому надобность. Вспомним, например, одно место из ляменты (плача) Львовского ставропигиального братства (1609 год): «Утяжени естесмо мы, народ Русский, от народа Польского ярмом над Египетскую неволю, же нас леч без меча, але горей неж мечем с потомствы выгубляют, заборонивши нам пожитков и ремесл обходов вшеляких, чим бы толко человек жив быти могл, того неволен русин на приржоной земли своей Русской уживати, в том то русском Лвове».

Топографическое название «Малая Россия» начало повторяться очень часто с конца XVI века, когда под давлением воинствующей унии русские подданные польского короля возобновили более тесные связи с православным греческим Востоком и когда такие русские националисты, как Иов Борецкий, Иоанн Вышенский и Петр Сагайдачный, выступили на защиту православия, пробудили южнорусское народное самосознание и дали почин воссоединению Руси.

Патриарх Феофан, уезжая из Киева в январе 1621 года, посылал в грамоте свое благословение всем благочестивым христианам в Малой России.

Исаия Копинский подписался: «Епископ и ексарха Малой России», когда отправлял письма (1622 год) к Михаилу Феодоровичу и к патриарху Филарету³ с посланцами, которым поручил устно выразить этим лицам готовность православных малороссиян признать над собою власть московского царя.

По мере падения русских начал в Галичине и на Волыни название «Малая Россия» передвигалось постепенно к Киеву и на левый берег Днепра.

После Переяславской рады в грамоте Алексея Михайловича от 9 февраля 1654 года к гетману Богдану Хмельницкому и ко всему войску запорожскому о рождении царевича Алексея впервые появляется в титуле московского царя древнее имя, данное греками исконной, первоначальной Руси, «откуда есть пошла Русская земля»: царь титулуется «всея Великие и Малыя Русии» самодержцем.

В Ипатьевской летописи оно встречается впервые под 1187 годом — в рассказе о походе на половцев, задуманном русскими князьями Святославом Всеволодовичем, Рюриком Ростиславичем и Владимиром Глебо-

вичем. Половцы, предупрежденные черными клобуками, что «идут на ня князи Рустии», бежали на противоположный от князей берег Днепра. Между тем наступила весна, и лед на Днепре покрылся полыньями. Переправа сделалась невозможной. Русские князья вынуждены были возвратиться по домам. «На том бо пути разболеса Володимер Глебович болестью тяжкою, ею же скончался. О нем же украинна много постана». Смысл последних слов летописи совершенно ясен: смерть Владимира Глебовича оплакивала не вся Русь, а пограничная ее область, которую он, как пограничный переяславский князь, защищал от нападения половцев.

Под 1213 годом та же Ипатьевская летопись сообщает об отобрании Даниилом Романовичем, князем галицким, пограничных с поляками русских городов, покоренных перед тем польским королем Лешком Казимировичем. Даниил «еха с братом и прия Берестий, и Угровеск, и Верещин, и Столпье, Комов и всю украинну». Не может быть сомнения, что **украинна** значит здесь: пограничная от поляков область Руси. Таким образом, в приведенных местах Ипатьевской летописи имеем два пограничья тогдашней Руси: на востоке — от половцев — и на западе — от поляков.

Но вот место Ипатьевской летописи (1189 год), где говорится уже о границах Галицкого княжества: Ростислав Берладник «еха ис Смоленска вборзе; и приехавши же ему **ко украинне Галичкый**, и взя два города Галичкый, и оттоле поиде к Галичю». Аналогичное употребление слова **украинна** находим и в Первой Псковской летописи: «И пришед таино, и взяша с **украинны** неколико псковских сел» (1271 год); «И посем Андрей с Полочаны **из своея украинны** пригнавше, без вести повоевавше неколико сел Вороночской волости» (1348 год).

От существительного **украинна** — пограничье — прилагательное **украинный** — пограничный; житель пограничья — **украинянин** или **украинник**. Например: «Приказали есьмо своим **украинным** князем... и иным своим князем и наместником и волостелем и всем своим украинником» (1503 год). «И почаша Ляхов воевати около Холма; и не взяша нячто же; избегли бо ся бяхуть в город, зане весть бяхуть подали им Ляхове украиняне» — то есть русские жители окрестностей Холма, предупрежденные живущими на пограничье поляками о наступлении польского войска, сбежались в Холм и, таким образом, избежали плена (Ипатьевская летопись, 1268 год).

Пересматривая сборники русских и польских актов за XV, XVI и XVII века, мы можем найти сотни примеров употребления приведенных слов в указанном смысле. В Московском государстве существовали украинны (пограничья) мещерские, мордовские, рязанские, тульские, смоленские, литовские. Великий князь Василий Иванович, например, пишет: «Наш недруг Жигимонт, король польский, послал войско к **украинному** пригородку к Одочке, а наши воеводы ноугородцкие с ноугородскими людьми стояли в нашем **украинном** городе на Луках на Великих, оберегали наших **украинн**» (1517 год). Особенно часто слово **украинна** употребляется в смысле границы Московского государства с татарской степью.

В Польше были свои **украины**-пограничья. Очень часто там, где можно бы ожидать слова **украина**, стоят **уграниче** или **пограниче**, что ясно показывает значение слова. Стефан Баторий рассылает универсалы: «Всем вообще и каждому в отдельности старостам, подстаростам, державцам, князьям, панам и рыцарству, **на украине** русской, киевской, воынской, подольской и брацлавской живущим» или: «Всем вообще и каждому в отдельности из старост наших украинских» (1578—1580 годы).

В «Древних российских стихотворениях, собранных Киршею Даниловым»⁴, слово **украина** встречается все в том же значении.

Издаlecka, издаlecka во чистом поле,
Как **далее того на украине**,
Как едет, поедет добрый молодец,
Сильный могучь богатырь Добрыня,
А Добрыня, ведь то, братцы, Никитьевич.
И с ним ведь едет Тороп-слуга.

Второй пример:

В сибирской **во украине**,
Во даурской стороне,
В даурской стороне —
А на славной на Амур-реке.

Очень любопытно, что великий русский стилист И. С. Тургенев, обладавший особенным чутьем языка, нашел возможным употребить слово «украина» в его исконном, древнем значении. Повесть «Бригадир» начинается так: «Читатель, знакомы ли тебе те небольшие дворянские усадьбы, которыми двадцать пять — тридцать лет тому назад изобиловала наша великорусская **украина?**»

Тем временем в Польше шел процесс перехода имени **украина** из нарицательного в собственное. Чуть ли не первый шаг в этом направлении сделал французский инженер Лавассер де Боплан, семнадцать лет пробывший на польской службе в южнорусских степях. Как иностранец, он лишен был, конечно, внутреннего языкового чутья и возможности понимать истинный смысл чуждых ему слов. Воеводства Киевское, Брацлавское и Подольское, слывшие в обиходной польской речи **украиной** — пограничьем, он объединил в одну страну — L'Ukraine. Он описал ее в сочинении, посвященном королю Яну Казимиру, и изобразил на картах. «Я осмеливаюсь, — пишет он в посвящении, — предложить Вашему Королевскому Величеству описание этой обширной пограничной **украины**, находящейся между Московией и Трансильванией». Как инженер, Боплан не вникал в исторические и этнографические вопросы и не доискивался, как называлась искони эта страна.

По следам Боплана пошли польские ученые и просто образованные люди, тем более в такую пору, как конец XVII века, когда русско-польский спор склонялся не в пользу поляков. Поляки исторически стремились заглушить русскую стихию в русских людях, сделавшихся волей судеб подданными польского короля. Теперь, когда часть Руси отпала от Польши по «веч-

ному миру» 1686 года и соединилась с единоверцами и единоплеменниками, стремления поляков стали еще настойчивее. Они обрадовались случаю затереть самое имя Малой России в своих пределах и заменить его именем Украины. Мало-помалу это имя прочно прикрепило к Киевскому воеводству, получившему после 1686 года свой административный центр в Житомире, но продолжало иметь чисто топографическое значение. Сомнений в принадлежности к русской народности жителей Украины еще не возникало в польском обществе. Минуло сто с лишком лет, прошли ужасы гайдамачины, настали разделы Польши — и вот тогда польские ученые заговорили об особой украинской национальности. Им хотелось доказать, что русских нет в границах погибшей Польши и что Екатерина II напрасно приказала вычеканить на медали в память разделов: «Отторженная возвратих». Берлинский профессор Александр Брюкнер утверждает, что впервые высказал взгляд об отдельности украинцев от русских граф Ян Потоцкий в книге на французском языке, изданной в 1795 году под заглавием: «Очерк исторический и географический Скифии, Сарматии и Славян». Существование украинского народа граф Потоцкий относит к глубокой древности и причисляет к украинцам летописных полян, древлян, тиверцев и северян. Известный основатель Кременецкого лицея Фаддей Чацкий в книжке «О названии Украины и возникновении казаков» выводит *украинцев* от *укров*, которые были будто бы дикой славянской ордой, пришедшей на Днепр из Заволжья в первые века по Р. Х. Выдумки польских ученых проникли на левый берег Днепра, в умы образованных малороссиян, но здесь встретили горячий отпор со стороны автора «Истории русов», появившейся в начале 1800-х годов и приобретшей вскоре чрезвычайную популярность в Малороссии. «С сожалением должно сказать, — пишет он, — внесены некоторые нелепости и клеветы в самые летописи малороссийские, по несчастию, творцами оных — природными русскими, следовавшими по неосторожности бесстыдным и злобным польским и литовским баснословцам. Так, например, в одной ученой историйке выводится на сцену из древней Руси, или нынешней Малой России, **новая некая земля при Днепре**, называемая тут Украиною, а в ней заводятся польскими королями **украинские казаки**; а до того будто бы сия земля была пуста и необитаема и казаков в Руси не бывало. Но, видно, господин писатель таковой робкой историйки не бывал нигде из своей школы и не видал в той стране, **называемой им Украиною**, русских городов, самых древних и, по крайней мере, гораздо старейших от его, королей польских».

К сожалению, голос В. Г. Полетики, предполагаемого автора «Истории русов», скрывшегося под именем архиепископа Георгия Кониского, мало кем был услышан. Польские влияния разными, едва уловимыми путями проникли в чисто русскую общественную жизнь.

Мицкевич мыслил Малую Русь Украиной Польского королевства, гибель которого жгучей скорбью пронизывала патриотическое сердце поэта. Естественно, что и в песнях Пушкина, вылившихся в пору общения его с Мицкевичем, встречаются такие стихи:

Зато завидных женихов
 Ей шлет Украина и Россия.

 Украина глухо волновалась.

 Храня суровость обычайну,
 Спокойно ведал он Украину.

 Стыдась, отверг венец Украины...

 Тиха украинская ночь.

Теперь приводят эти стихи как доказательство, что Пушкин признавал существование особой страны — Украины — и отдельной от русской народности — украинской. Но в той же «Полтаве» можно найти и иные стихи:

Пред бунчуком и булавой
 Малороссийского владыки.

 И Малороссии печальной
 Освободились уж полки.

Выбирая то или другое имя — «Малороссия» или «Украина», — поэт руководствовался главным образом требованиями стихосложения. Сущность его исторического взгляда другая: он любовался той единой могучей Русью, какую выковала историческая ее судьба.

Но в искушеньях долгой кары,
 Перетерпев судеб удары,
 Окрепла Русь. Так тяжкий млат,
 Дробя стекло, кует булат.

В первой четверти XIX века появилась особая «украинская» школа польских ученых и поэтов, давшая чрезвычайно талантливых представителей. К. Свидзинский, М. Грабовский, Э. Руликовский, А. Мальчевский, С. Гощинский, Б. Залеский и многие другие продолжали развивать начала, заложенные графом Я. Потоцким и Ф. Чацким, и подготовили тот идейный фундамент, на котором создалось здание современного нам украинства. Всеми своими корнями украинская идеология выросла в польскую почву.

Теперь воздух насыщен украинским туманом. Но все-таки глядит отовсюду Малая, исконная Русь, и сияет золотыми куполами Киев. А старый киевлянин М. А. Максимович говорит так: «Никуда не притекает Россия от востока и запада, от севера и полудня своего для молитвы и святых воспоминаний, кроме Киева. Целые тысячи русских, отложив житейское попечение, идут набожно поклониться первым праведникам — святым угодникам Печерским и святой главе разнопостольного просветителя России; идут побывать на тех святых местах, откуда идет русская земля, у той величественной реки, где приняла она святое крещение, на тех горах и удолях, где раскрывалась богатырская юность ее и где древняя жизнь Руси оставила нам нетленные мощи первых поборников

нашего православия да живое слово предания — в завете будущего своего величия... И нигде так живо не чувствуешь древнего величия Руси, как в Киеве, глядя на его святые храмы и высоты прекрасные. Источник нашей древней жизни — Киев есть и главное место живейших о ней воспоминаний, главный хранитель нашего прошедшего».

По новейшим диалектологическим исследованиям, русский язык имеет девятнадцать говоров, отличающихся друг от друга и произношением звуков, и словарными особенностями. Повторилось бы столпотворение вавилонское, если бы на основе подбора в каждом из говоров несходного с другими и пополнения недостающего из иностранных языков образовалось девятнадцать литературных языков и девятнадцать местных литератур. Всякая культура сделалась бы невозможной. О неограниченном господстве наречий мечтал только австростлавист Копитар⁵, который ненавидел Россию и всегда отзывался о ней резко и несправедливо, не желая ей успехов не только в подвигах военно-политических, но даже в области литературы и науки. Мечты Копитара не сбылись, и жив еще великий и богатый литературный русский язык. А раз жив Киев и жив русский язык, то наши надежды еще не потеряны. Украинский туман должен рассеяться, и русское солнце взойдет!

Киев, 1918 г.

А. В. СТОРОЖЕНКО **Малая Россия или Украина?**

Статья Андрея Владимировича Стороженко «Малая Россия или Украина?» была опубликована впервые в журнале «Малая Русь» (1918, № 1).

Андрей Владимирович Стороженко (1857 — после 1918) — русский историк, публицист. Получил образование в Катковском лицее в Москве и в Киевском университете Св. Владимира, где учился на одном курсе вместе с И. А. Линниченко. В 1882 году был редактором «Славянского ежегодника», где помещались научные статьи по славяноведению. Андрея Владимировича привлекала общественная деятельность. Он был главой переяславского земства в 1886—1892 годах, а с образованием в Киеве Клуба русских националистов, вступил в его члены. Читал в Клубе доклады, например «Происхождение и сущность украинофильства» (доклад собранию членов Клуба русских националистов в Киеве, 17 ноября 1911 г.), изданный затем отдельной книжкой в Киеве (1912). А. В. Стороженко был в начале XX века директором 1-й киевской гимназии. Научные интересы А. В. Стороженко как историка распространялись на историю малорусских казаков в Польском государстве XVI—XVII веков, им написано немало очень ценных сочинений по этому вопросу. С 1902 по 1910 год издавал «Фамильный архив».

От редактора. В предыдущем (мартовском) номере "Руси" мы печатали главу о Т.Г.Шевченко из книги Царинного "Украинское движение". Эту книгу под псевдонимом "Царинный", по мнению исследователей, написал Андрей Владимирович Стороженко.

ΑΙΝΟΙ Ç ΟÊΘΑΙÍ È

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
ГОНЧАРОВ
Валентин Андреевич
Индекс 41561

Учредитель: *Движение Владимира Мономаха «Русь»*
Адрес: 94517 г. Красный Луч Луганской обл., а/я 2.
Тел.: (0642) 63-67-89, т/факс: (06432) 3-15-72
Веб-сайт: www.br-sl.com, e-mail: ukio@kl.lg.ua

Регистрационное свидетельство ЛГ• 269
выдано Луганским областным комитетом
по делам печати и информации.

Распространяется бесплатно

Тираж 300 экз. Заказ